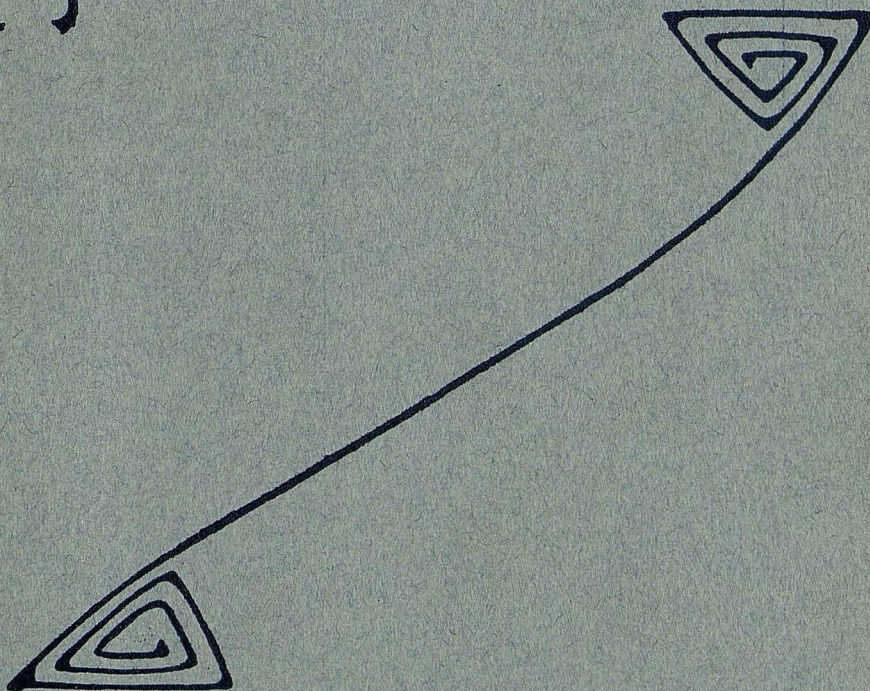


# ДѢТСКІЙ МІРЪ



№ 11.

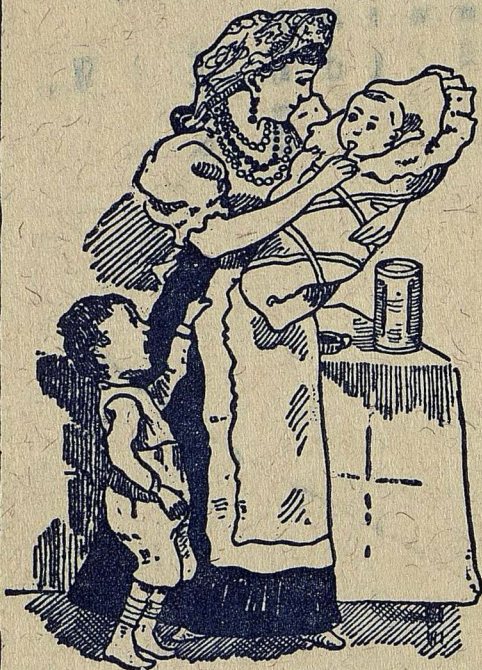
15 Іюля  
1907 2



# ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА

## ФАБРИКИ ТОВАРИЩЕСТВА

### „Р. КЁЛЕРЪ и К<sup>о</sup> въ Москвѣ“



не есть подражаніе общезвѣстнымъ питательнымъ препаратамъ для дѣтей, какъ молочная мука Нестле, мука Neaves'a, Mellin's food и т. п., а представляетъ собой по новымъ научнымъ даннымъ составленный препаратъ, который былъ испытанъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, одобренъ и тамъ теперь введенъ въ употребленіе. Клиническія наблюденія, произведенныя весной и лѣтомъ сего года надъ „Дѣтской молочной пищей“, по свидѣтельству Главнаго Доктора Москов. Воспитательнаго Дома, Д-ра А. Н. Устинова, показали, что

„она легко переваривается и усваивается дѣтьми какъ старшаго, такъ и младшаго возраста, и въ особенности полезна для страдающихъ желудочно-кишечными расстройствами, такъ какъ при правильномъ употребленіи этой пищи, при строгомъ соблюденіи 4-хъ часовыхъ промежутковъ кормленія, отравленія кишечника регулируются, у ребенка является спокойный сонъ, онъ крепнетъ и быстро прибываетъ въ вѣсъ.“

Одно изъ преимуществъ „Кёлеровской дѣтской молочной пищи“ заключается еще въ томъ, что она уже сама содержитъ молоко въ достаточномъ количествѣ въ сухомъ видѣ и поэтому при пользованіи ею нѣтъ надобности прибавлять ее къ молоку, которое не всегда можно имѣть одинаково доброкачественное и отъ здоровой коровы.“

Столь-же благоприятные отзывы объ „Дѣтской молочной пищѣ“ даны Профессоромъ Военно-Медицинской Академіи Н. П. Гундобинымъ, Главнымъ Докторомъ Николаевской Дѣтской больницы въ С.-Петербургѣ Н. К. Вяжлинскимъ и другими врачами, производившими надъ этой молочной пищей наблюденія.

Рамки газетнаго объявленія не позволяютъ излагать какъ научныя основанія, на которыхъ выработана эта препаратъ, такъ и химическій его составъ, а равно приводить подробныя удостовѣренія испытавшихъ его врачей-специалистовъ. Все это имѣется въ подробномъ описаніи, составленномъ заведующимъ отдѣленіемъ питательныхъ веществъ фабрики Товарищества „Р. Кёлеръ и К<sup>о</sup> въ Москвѣ“, изобрѣтателемъ этого препарата, докторомъ химіи К. Пале. Описание это раздается во всѣхъ магазинахъ Т-ва бесплатно.

Цена за фунтовую жестянку 1 руб. 20 коп.



# ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 11.



По ягодѣ клюкву,  
По ягодѣ крупну!

15 Юля ==  
== 1907 г.





Не плачь, мой другъ, въ твои златые годы  
Не стоитъ тратить слезъ—и не страшна бѣда...  
Ну улыбнись, забудь свои невзгоды  
И веселись, покуда молода.

Жизнь впереди; И ты еще успѣешь  
Вступить въ борьбу съ безжалостной судьбой  
И, можетъ быть, не разъ ты пожалѣешь,  
Что много слезъ ужъ пролито тобой.

Н. Якубовскій.







## Мой дѣдушка лѣсничій.

Прав о — не знаю, отчего дѣдушка такой сердитый. Всегда-ли онъ такой быть, я не могу сказать. Раньше мы видѣли его очень рѣд-

ко, и то на короткое время, когда онъ пріѣзжалъ навѣстить насъ въ Москвѣ, но онъ, бывало, пріѣдетъ поздно вечеромъ, навезетъ мнѣ игрушекъ, мамѣ какіе-нибудь подарки, долго сидитъ съ папой за ужиномъ, а когда я на другой день просыпался, — его уже не

бывало.

Дѣдушка мой былъ лѣсничій и большую часть жизни провелъ въ лѣсу. Правда, слышалъ я, что давно, когда я еще совсѣмъ крошечный былъ, такъ онъ пробовалъ жить въ городѣ, уступивъ желанію и уговорамъ мамы, но не долго и неудачно прожилъ онъ тамъ: какіе-то злые люди въ его отсутствіи украли все, что только было у него — съ тѣхъ поръ онъ вернулся опять въ свой лѣсъ и больше уже не бывалъ въ городѣ.

Не потому ли онъ и былъ такой суровый? Не сдѣлала ли его такимъ долгая одинокая жизнь въ лѣсу, не могъ ли онъ забыть, что люди, при первой же встрѣчѣ съ ними, напрасно обидѣли его, — не знаю, только я замѣчаю, что всѣ его побаиваются, врядъ-ли кто чувствовалъ себя пріятно подъ его строгимъ взглядомъ изъ-подъ нахмуренныхъ бровей и при звукахъ его рѣзкой отрывистой рѣчи. Я его также боюсь, хотя никогда до сихъ поръ не видѣлъ, чтобы онъ сдѣлалъ кому-нибудь зло или дурно о комъ-нибудь говорилъ. Сосѣдніе крестьяне, которые время отъ времени рубили потихоньку у него лѣсъ, боялись его какъ огня, но не питали зла, не смотря на его строгость.

Дѣдушка былъ высокаго роста, широкоплечій, немного согбив-



шійся отъ времени старикъ—сильный, неутомимый въ ходьбѣ, съ прекрасно сохранившимся зрѣніемъ, потому что читалъ безъ очковъ и стрѣлялъ безъ промаха. Онъ былъ по-моему очень красивъ: длинные сѣдоватые кольца волосъ, большіе борода и усы, прямой носъ и лобъ, который, несмотря на жгучіе лучи солнца, никогда не загоралъ. Но особенно красивы и грозны были брови—въ раннемъ дѣтствѣ я видѣлъ еще такія только на нашемъ старинномъ образѣ Бога-Саваоѳа.—Я-бы очень любилъ дѣдушку, если бы поменьше боялся. Дѣло въ томъ, что теперь мы пріѣхали съ мамой къ дѣдушкѣ если не навсегда, то во всякомъ случаѣ надолго. Вотъ уже два года, какъ я лишился папы... Онъ былъ очень слабаго здоровья, часто принужденъ былъ бросать свою канцелярскую службу, и наконецъ ему удалось устроиться въ Крыму; печальна была эта разлука... Мы съ мамой долго смотрѣли ему въ слѣдъ—какъ послѣдній разъ онъ махнулъ намъ платкомъ изъ вагона, какъ скрылся изъ глазъ поѣздъ, увозившій его... Больше намъ не суждено было видѣть нашего тихаго, ласковаго папу—а спустя полгода мы горько плакали надъ полученной телеграммой и одѣлись въ черное.—Съ тѣхъ поръ мы жили вдвоемъ съ мамой, я учился хорошо, но мы были такъ одиноки—кромя дѣдушки у насъ никого не было родныхъ; онъ звалъ насъ къ себѣ, и мы пріѣхали. Ну, первые дни радостнаго свиданія быстро миновали, а вотъ дальше-то и пошло!—не одинъ разъ вспоминалъ я теперь наше одинокое съ мамой житіе, когда я не видѣлъ ничего, кромя ласки и нѣжности.

Дѣло въ томъ,—что я видимо не нравлюсь дѣдушкѣ: онъ такъ обидно смѣется надо мною, такъ часто указываетъ мамѣ, что и то, и другое во мнѣ плохо, мама часто вспыхиваетъ, краснѣетъ, глаза наполняются слезами... это меня страшно огорчаетъ, хотя мы оба съ ней не можемъ понять, чѣмъ я провинился передъ нимъ. Я вообще не изъ смѣлыхъ и немного застѣнчивъ, но подъ взглядомъ дѣдушки или при вопросѣ, обращенномъ ко мнѣ, я окончательно теряюсь и двухъ словъ связать не могу; это сердитъ дѣдушку и онъ зоветъ меня кисляемъ. Нѣсколько разъ я заставалъ маму въ ея комнатѣ въ слезахъ; когда я подходилъ къ ней, она горячо прижимала меня къ себѣ, вздыхала, смотрѣла долгимъ грустнымъ взглядомъ... я не выдерживалъ и тогда наши слезы смѣшивались; я не спрашивалъ ее о чемъ она плачетъ, мнѣ было понятно, но ни я, ни она не знали чѣмъ помочь горю: ясно, что дѣдушка не любилъ меня. Вчера, напримѣръ, вечеромъ на мое сердечное пожеланіе: „доброй ночи, дѣдушка“, онъ



отвѣтилъ: „А! желаю пріятно почивать, ваше сіятельство, прикажите мамушкамъ, нянюшкамъ напоить васъ мятою, обложить васъ ватою, колыбельныя пѣсни пѣть“. Мама взглянула на него съ упрекомъ, но ничего не сказала. У меня приступили къ глазамъ слезы отъ неза-служенной обиды, но я удержался. Поздно ночью, когда я совсѣмъ засыпалъ, мама подошла ко мнѣ, нагнулась, погладила по головѣ и на лицо мнѣ упало нѣсколько горячихъ слезинокъ.

Сегодня утромъ я проснулся, по обыкновенію, поздно, не смотря на чудную лѣтнюю погоду, яркое солнце, которое врывалось сквозь колеблющіяся занавѣски и ложилось по полу яркими полосами, веселый хоръ птичьихъ голосовъ,—мнѣ было очень невесело, на душѣ было тяжело, какая-то горечь давила мнѣ горло, хотѣлось плакать... Я лѣниво принялся одѣваться; я зналъ, что всѣ уже давно встали. Савельевна на кухнѣ, откуда доносится звонъ посуды и чей-то ноющій мужской голосъ, Филька, деревенскій мальчуганъ, который былъ у насъ на побѣгушкахъ,—дѣдушка любилъ его за быстроту ногъ. Филька не ходилъ, даже не бѣгалъ, а носился какъ ураганъ и дѣдушкѣ это нравилось. Филька теперь навѣрное сидитъ на крыльцѣ въ ожиданіи приказаній и чиститъ что нибудь изъ охотничьихъ принадлежностей дѣдушки.

Въ столовой слышится звукъ чайной посуды. Мама и дѣдушка вѣроятно пьютъ второй чай, или какъ дѣдушка его называлъ, завтракъ, потому что къ нему готовилось всегда какое нибудь горячее кушанье. Иногда дѣду не удавалось вернуться къ обѣду и онъ довольствовался этимъ завтракомъ до вечера. Вставалъ онъ съ солнцемъ и первый чай онъ пилъ въ шесть часовъ утра.

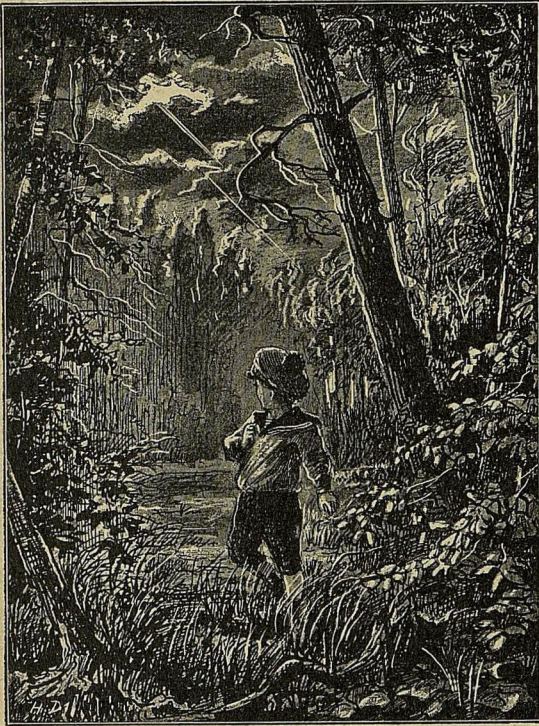
Я представлялъ себѣ его сейчасъ сидящимъ въ креслѣ съ высокой спинкой, съ коротенькой трубкой въ зубахъ, передъ нимъ большой фарфоровый расписной стаканъ съ чаемъ.

Я уже видѣлъ, какъ онъ вынетъ трубку изъ рта при моемъ появленіи и насмѣшливо поздоровается со мной. Ахъ, если бы мнѣ можно было не идти туда.

Я не ошибся. При моемъ появленіи дѣдъ окинулъ меня насмѣшливымъ взглядомъ.—„А вотъ графчикъ нашъ появляется, произнесъ онъ, пріятно ли изволили почивать?“—„Доброе утро, дѣдушка“.—„Не утро, другъ мой, не утро, опоздали! теперь день“, и онъ взялся за стаканъ. Да, сегодня онъ былъ въ худшемъ, чѣмъ когда-либо настроеніи; мама также была болѣе обыкновеннаго нервна и по лицу ея



видно было, какъ она волновалась. На этотъ разъ она не промолчала, и дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесла:— „Прости, я не понимаю, папа, почему ты не можешь не насмѣхаться надъ мальчуганомъ, что это за постоянное какое-то озлобленіе? Я не понимаю, въ чемъ онъ виноватъ, что онъ могъ тебѣ сдѣлать?“— „Ничего, сударыня,



ровно ничего, — раздражительно сказалъ дѣдъ — онъ ничего ровно мнѣ не сдѣлалъ, да врядъ-ли онъ и сумѣетъ что либо вообще сдѣлать: онъ даже кушать по человѣчески не умѣетъ“, показалъ онъ на меня. Я въ это время безъ всякаго аппетита повертывалъ вилкой маленкій кусочекъ котлеты.

— „Полюбуйтесь! продолжалъ раздраженно дѣдъ, — „они“ встали вялы, сонны, лѣнны, ни энергіи, ни бодрости! Я за это время давно бы эти обѣ котлеты съѣлъ и еще попросилъ“...— „Да если онъ не можетъ больше!“— „Онъ ничего не можетъ. Онъ ни себѣ, ни лю-

дямъ, не можетъ! Все должны дѣлать Савельевна, Филька, нѣжная мамаша! Онъ не можетъ ходить—ножки заболятъ, купаться—вода холодна, солнце—головку напечетъ! Они только могутъ подъ стекляннымъ колпакомъ сидѣть!“ Дѣдъ сердито принялся пыхать своей трубкой, но видимо онъ не все еще высказалъ.— „А это слоняніе бездѣльное, тоскливая мечтательность: отъ стола къ печкѣ, отъ печки къ окну, отъ окна къ дивану... Да-съ, такими нельзя быть...“— „Я не знаю, что же онъ долженъ дѣлать?“— „Не мнѣ-съ сударыня, учить ребятъ, чѣмъ заняться, развлечься; у всякаго ребенка найдется свой интересъ къ чему либо, кромѣ такихъ безпомощныхъ кисляевъ.“— „Но,



папа, онъ въ свое время хорошо учится...—„Ахъ, не то это! да и наука полезна только въ здоровомъ тѣлѣ, бодрой, энергичной натурѣ... Неужели знанія нужны, чтобы ни себѣ ни людямъ, скрипя перомъ чахнуть, какъ...“ Дѣдъ остановился. Мама поблѣднѣла... Я видѣлъ, что они оба въ эту минуту думали о моемъ отцѣ. Я опустилъ голову и у меня градомъ посыпались слезы.

Дѣдъ вскипѣлъ.—„Сила должна быть, здоровье, бодрость, смѣлость!.. Такъ нельзя-съ. Кисляи въ жизни не нужны! Слезливые тоже! Такихъ какъ онъ,—Филька пальцемъ пополамъ перешибеть!“ Мама окончательно вышла изъ себя.—„Я не для драки съ Филькой его воспитывала!“—„Я не о дракѣ говорю, сударыня, вы меня хорошо понимаете, а воспитываете вы его—ни для кого и ни для чего негоднымъ безвольнымъ кисляемъ и никакая наука не сдѣлаетъ его чловѣкомъ, и любой трезвый мужикъ...“—„А я предпочитаю, чтобы онъ остался такимъ,—чѣмъ стать мужикомъ, какъ...“ Дѣдушка съ шумомъ отодвинулъ кресло, всталъ и выколотивъ трубку, холодно произнесъ:—„Такимъ мужикомъ, какъ я—думаете вы? ну, и счастливо вамъ оставаться, Ваши сіятельства“, усмѣхнулся онъ, круто повернулся и вышелъ.

Мама стояла нѣсколько времени неподвижно, потомъ опустила голову на столъ и зарыдала. Я стоялъ подлѣ, не смѣя подойти. Слезъ у меня не было... Немного погодя, мама поднялась.—„Иди, мальчуганъ, погуляй гдѣ-нибудь, дай мнѣ успокоиться“ и тихо побрела къ себѣ въ комнату. Я стоялъ у окна понуря голову, мысли вихремъ неслись.—„Что-же дѣлать-то?“ Я ни на одной не могъ остановиться... Бѣдная мама! сколько у нея горя и все изъ-за меня. Дѣдушка разсердился—это для нея большое горе: она его такъ любитъ и онъ ее... Одинъ я тутъ лишній, только меня онъ терпѣть не можетъ; даже мой видъ раздражаетъ его, что же мнѣ дѣлать?..“

Послѣднее время надъ всѣмъ домомъ нависла словно тяжелая туча—такъ отражалось на всѣхъ это вѣчное недовольство дѣдушки мною. Кромѣ мамы, я пользовался сочувствіемъ и Савельевны, которая какъ могла утѣшала меня и даже Филька по своему ободрялъ и увѣрялъ, что „обойдется“. Вотъ такъ обошлось!.. Мнѣ теперь казалось, что насталъ конецъ всему. Я задумчиво вышелъ изъ комнаты; въ сѣняхъ мнѣ встрѣтилась причитающая Савельевна.—„Опять, соколикъ мой, избидѣлъ тебя дѣдъ: ни за что, ни про что взѣлся, жалости въ немъ нѣту къ ребенку, все недоволенъ, слабъ, да смиренъ! Не всѣмъ озорниками быть...“



Я пошелъ дальше... Въ первый разъ утѣшенія Савельевны мнѣ показались скучными, а главное бесполезными... Я вышелъ на крыльцо; тамъ сидѣлъ Филька.— „Ну что, барчукъ, опять журилъ сегодня дѣдъ? ишь ты, оказія! то-то сердитый онъ сегодня, не въ себѣ. Да ты не убивайся очень-то: никто какъ Богъ; можетъ и обойдется... Онъ, дѣдъ-то, Александра Васильевичъ, не любитъ такихъ-то жидкихъ; жидокъ ты очень, слабоватъ, плачешь много. А сердить онъ сегодняшибко! Влетитъ теперь Парфентію, я думаю. Охъ, какъ влетитъ! пойдемъ послушаемъ...“ — „Какому Парфентію?“ — „Мужиченко нашъ Покровскій, сосну свалилъ здоровенную, ни почемъ онъ его нонѣ не проститъ, да никакъ Парфентій-то еще второй разъ. Пойдемъ, Володя—тамъ въ конторѣ-то отъ бузины все видать будетъ“. Мнѣ было и страшно, и тянуло поближе посмотрѣть, что дѣлаетъ и какъ говорить дѣдъ съ Парфентіемъ. Мы пробрались съ Филькой къ бузинѣ, и оттуда въ раскрытое окно намъ все видно было. Около высокой конторки стоялъ дѣдушка и, нахмутивъ свои большія брови, сосредоточенно писалъ. На другомъ концѣ комнаты стоялъ рыжеватенькій неряшливо одѣтый мужиченка и, тряся жидкой бородой, отбивалъ земные поклоны, приговаривая: — „Вотъ какъ передъ Истиннымъ, никогда!—поклонъ—Александра Василичъ! отецъ родной!—опять земной поклонъ. Дѣдъ поморщился и съ сердцемъ бросилъ перо.— „Брось, Парфентій, я не икона, да и ты не богомолецъ, не слѣдъ тебѣ такъ унижаться!“ — „Александра Василичъ!—занылъ Парфентій, разведя руками и переставъ кланяться—„Благодѣтель! Оно точно что виноватъ! все отъ бѣдности моей непроходимой!“ — „Ну—продолжалъ дѣдъ—я тебѣ прошлую вину простилъ?“ — „Простилъ, простилъ, отецъ родной, это точно! знать, такая моя судьба разнесчастная!“ Парфентій хотѣлъ было опять нырнуть въ ноги, но остановленный строгимъ взглядомъ дѣда, затоптался на мѣстѣ.— „Не только простилъ, а пожалѣлъ, и порубку тебѣ отдалъ. Каюсь, каюсь, Александра Василичъ, грѣхъ попуталъ, все лукавый!“ — „Слушай, Парфентій—грозно крикнулъ дѣдъ, въ упоръ подходя къ нему—что ты мнѣ плетешь: то судьба, то бѣдность, то грѣхъ, то лукавый! а самъ ты что творишь? не человѣкъ, развѣ, самъ ты! Эхъ“ — махнулъ рукой дѣдушка и крупными шагами вышелъ изъ конторы, Парфентій тупо смотрѣлъ ему вслѣдъ...

— „Вотъ человѣкъ-то—дивовался Филька—ну человѣкъ! диковинный! сюда-то онъ шелъ, я смотрѣлъ, туча-тучей... Ну, думаю, бу-



дѣть пушить Парфентія, а какъ до дѣла—смотри-ка: слова зрящаго не сказали, таково все умно у него, каждое слово какъ топоромъ отрубить! Ой, ну и дѣдушка вашъ!“ Я и самъ думалъ въ это время: „да, именно, какъ топоромъ отрубить... и вотъ всегда онъ такой; въ то время, какъ я, стоя передъ нимъ, двухъ словъ сказать не могу. А все-таки онъ жестокий... Мама навѣрное пожалѣла бы Парфентія, заплакала бы надъ нимъ и простила бы, она добрая...”

Я прослѣдилъ глазами за дѣдомъ. Онъ пошелъ медленно, вошелъ въ главный домъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ прошелъ къ мамѣ, сказалъ бы хоть что нибудь ей, утѣшилъ бы...—„Постой, Филя, сказалъ я, обожди меня тутъ“. Я побѣждалъ въ домъ посмотрѣть; дѣдушка прошелъ столовую, подошелъ къ маминой комнатѣ, постоялъ минуту, потомъ снова повернулся, медленно дошелъ до своего кабинета... Я осторожно пробирался мимо, дѣдушка стоялъ среди комнаты задумавшись, потомъ крѣпко прижалъ руку ко лбу и тяжело-тяжело вздохнулъ. Этотъ вздохъ приковалъ меня къ мѣсту. Я, прижавшись къ драпировкѣ, долго не сводилъ съ него глазъ. Мнѣ было почему-то жаль его и я думалъ, зачѣмъ онъ такой суровый, жестокий... Дѣдъ сталъ одѣваться, а я убѣждалъ опять къ Филькѣ.—„Дѣдушка куда-то собирается—сказалъ я—„Должно быть, опять на торфяникъ—пояснилъ Филька—Петръ приходилъ докладывать, что канава мелка, огонь дальше идетъ, да чтобы на выемкѣ поторопились, пока пожаръ не дошелъ“. Изъ всей рѣчи Фильки я ни слова не понималъ, что такое торфяникъ, какой огонь, какая выемка? Я такъ мало интересовался до сихъ поръ, что дѣлается вокругъ и чѣмъ занять дѣдушка... Только-что я хотѣлъ разспросить Филю какъ слѣдуетъ, какъ съ крыльца раздался окрикъ дѣда „Филька!“ Филька стрѣлой метнулся, только пятки сверкнули. Я остался одинъ и увидѣлъ, какъ дѣдушка вышелъ изъ усадьбы и направился въ лѣсъ. Филька исчезъ; должно быть его зачѣмъ-нибудь послали.—„Охъ, горе мое, гореваньице! слышалось сзади меня. Я оглянулся. Это стоялъ Парфентій, испуская тяжкіе вздохи.—„Парфентій—сказалъ я—дѣдушка ушелъ“.—„Ушелъ, баринокъ мой золотой, ушелъ вашъ дѣдушка. Дай ему Господи милостивый...“.—„Послушайте, Парфентій—осмѣлился я вдругъ—а развѣ нельзя у дѣдушки вамъ попросить лѣсу, чтобы не брать потихоньку?“—„Какъ нельзя! батюшка-баринокъ, милый, какъ нельзя! можно! Александра Василичъ завсегда въ нужду войдетъ, что Бога гнѣвить, только Расскажи ему—ни-ни, нипочемъ не откажетъ, нужду видить...“.—„Такъ



зачѣмъ же вы?.. запнулся я...—„Охъ милый баринокъ! А все лукавый-то! лукавый! все онъ... „Я вспомнилъ дѣдушку, который не вѣритъ въ лукавыхъ и перемѣнилъ разговоръ.—„А куда пошелъ дѣдушка?..“ „Да куда же больше, какъ не на торфяникъ, не иначе какъ туда! Петра приходилъ“.—„А гдѣ этотъ торфяникъ?“ спросилъ я.—„Торфяникъ-то далеконько, батюшка-баринокъ. Вашимъ ножкамъ туда не дойти; мостъ знаете на большой дорогѣ?“—„Знаю, Парфентій“.—„Ну, пройдя мостъ, свернуть на проселочную—поди, тоже знаете—влѣво!“—„Знаю—съ моста видна!“—„Ну, вотъ-вотъ, она самая; ну, такъ по ней верстъ пять-шесть до большого горѣлаго пня, тамъ опять влѣво тропинка будетъ, ну по ней самой—тамъ еще мостки есть чрезъ Чуломку, ручей такой будетъ; ну вотъ, все идти, идти—лѣсокъ тамъ рѣдкій пойдетъ—конецъ ему тутъ, значить; на самой опушкѣ и начинается болото—торфяникъ этотъ самый“. Онъ немного помолчалъ, потомъ задумчиво вытеръ потъ съ лица и съ грустью закончилъ: „Теперь Александра Василичъ ужъ не ближе, какъ къ ночи вернется, гдѣ ужъ раньше?“

Мнѣ стало жаль Парфентія.—„Вы не горюйте очень. Можетъ, дѣдушка и „обойдется“ вспомнилъ я любимое выраженіе Фильки.—„Охъ ужъ и врядъ-ли! Шибко я его прогнѣвилъ! шибко прогнѣвилъ! завздыхалъ Парфентій.

Я пошелъ къ дому. За чужимъ горемъ я позабылъ о своемъ; теперь оно нахлынуло на меня съ большей силой. Что же дѣлать? повторялъ я, что же дѣлать? Бѣдная мама!.. Я осторожно пробрался къ ея спальнѣ, мама лежала, приложивъ къ головѣ компрессъ: значить, опять у нея голова болитъ... значить, ее до вечера беспокоить нельзя. Я вернулся въ залу, но тамъ мысли стали еще мрачнѣе. Я побрелъ опять на крыльцо; Фильки не было, Парфентій ушелъ, Савельевна такъ тихо занималась на кухнѣ своимъ дѣломъ, что ни звука оттуда не доносилось. Весь домъ, казалось, опустѣлъ, но въ то же время всѣ, казалось, дѣлали свое дѣло, были нужны... только мы съ мамой одни—а больше всего я не нуженъ! лишній! я мамѣ только горе приношу... Мнѣ казалось, что весь домъ страдаетъ изъ-за меня, я одинъ здѣсь бесполезный, лишній... если бы не было меня, всѣмъ бы здѣсь было лучше; я не раздражалъ бы такъ своимъ видомъ дѣдушку. Невыносимая грусть охватила меня, я тихо заплакалъ. „Вотъ что—мелькнула у меня мысль—скажу дѣдушкѣ, чтобы онъ отпустилъ меня: и ему будетъ лучше, и всѣмъ—зачѣмъ я ему? Правда, тяжело мнѣ раз-



статься съ мамой, но за то я буду знать, что ей хорошо живется, что дѣдушка не сердится. Ну, что-же—соображалъ я—меня можно отдать къ какимъ-нибудь знакомымъ въ Москвѣ, меня возьмутъ, можно платить за меня...“ Воображеніе у меня заработало, мнѣ представилось, что и мнѣ будетъ лучше, некому будетъ обижать, смѣяться надо мною. Пусть я тамъ одинъ буду... Но сейчасъ мнѣ представилось, какъ здѣсь тоже будутъ одни жить мама, дѣдушка, Филька, Савельевна—только мама будетъ постоянно думать обо мнѣ... Слезы потекли у меня сильнѣе, но я счелъ ихъ признакомъ слабости и быстро вытеръ.—„Нѣтъ! громко произнесъ я,—скажу дѣдушкѣ, скажу—пусть меня отпуститъ, всѣмъ легче будетъ! Но когда сказать? надобно ему,—мамѣ этого нельзя сказать, она только заплачетъ. Вечеромъ онъ придетъ, пожалуй, когда я ужъ спать буду. И все равно, хоть и не буду спать: при мамѣ нельзя говорить; другое дѣло, если дѣдушка самъ ей скажетъ: онъ сѣумѣетъ, а у меня только будетъ жалостно и кромѣ слезъ ничего не выйдетъ, да при ней мнѣ и не сказать, я знаю, что у меня храбрости не хватитъ. Надобно дѣдушку одного поймать гдѣ-нибудь, подкараулить, когда никого нѣтъ, ни Фильки, ни Савельевны, при нихъ я только расплачусь... и зачѣмъ я только такой плакса, такой робкій?—въ первый разъ пришло мнѣ въ голову и мнѣ стало досадно на себя.

— „Ну нѣтъ, на этотъ разъ я рѣшусь, только нужно подождать дѣдушку... Не выйти ли ему вечеромъ на встрѣчу? Но онъ можетъ придти ночью поздно, или пріѣдетъ, это опять не то“. И вдругъ у меня опять тоскливо сжалось сердце: значить, завтра съ утра опять, все такъ-же по прежнему, опять тѣ же насмѣшки, слезы... дѣдушка съ каждымъ днемъ ненавидитъ меня все больше и больше. Нѣтъ! откладывать нельзя, чѣмъ дальше—будетъ хуже; да и опять у меня можетъ не хватить рѣшимости, нѣтъ, нужно теперь, сейчасъ же поговорить съ дѣдушкой во что бы то ни стало, догнать его.“ Но тутъ же я подумалъ, что дѣдушка ходитъ большими шагами, страшно быстро, и теперь онъ уже далеко... „Ну все равно пойду, пойду, найду его такъ или иначе на болотѣ или торфяникѣ, пойду во что бы то ни стало!“ Внезапная рѣшимость охватила меня, слезъ какъ не бывало, я сразу сталъ покоенъ, разсудителенъ, только отъ нетерпѣнія земля, казалось, жгла ноги. Но какъ быть: мама беспокоиться будетъ? Я опять осторожно пробрался въ домъ и заглянулъ въ спальню. Мама по прежнему лежала на подушкахъ, только въ



спальнѣ было темнѣе; вѣроятно приходила Савельевна и задернула занавѣсы, чтобы свѣтъ не рѣзалъ глазъ. Постоявъ, я вышелъ опять на дворъ и рѣшилъ, что мама врядъ ли выйдетъ раньше вечера въ комнаты, голова у ней обыкновенно проходитъ когда закатится солнце, значить у меня въ распоряженіи нѣсколько часовъ, я успѣю вернуться, пусть будетъ семь, восемь, десять верстъ—хотя я о верстѣ не имѣлъ никакого понятія—но я пушусь бѣгомъ. Я двинулся было въ путь, но страхъ, что будутъ беспокоиться и искать, остановилъ меня. Я подошелъ къ кухнѣ, заглянулъ въ раскрытое окно и сказалъ Савельевнѣ нарочно дѣланнѣмъ равнодушнѣмъ голосомъ:—„Вы не беспокойтесь обо мнѣ, Савельевна, если я долго не буду, обѣдать я не хочу, я буду здѣсь по близости.“—„Играйте, батюшка-Володюшка, играйте, милый: чего беспокоиться, мамаша тоже обѣдать не будетъ, подождемъ ужъ до Александра Василича“. Я отошелъ медленными шагами, дошелъ до изгороди, пріостановился на минуту и затѣмъ бросился бѣжать. Вся усадьба наша была окружена сплошь дремучимъ боромъ. Говорятъ, онъ шелъ верстъ на сорокъ, на пятьдесятъ, въ немъ водились лоси, медвѣди, волки; въ глубинѣ его бывали только охотники, а селились только по краямъ, черезъ него пролегала широкая дорога, окопанная по бокамъ канавками; конца этой дорогѣ я не зналъ, но слышалъ, что она идетъ до самаго Троицкаго Посада... По ней вѣчно тянулись богомольцы съ котомками за плечами.

Я бѣжалъ не останавливаясь, скоро добѣжалъ до моста, бѣгомъ промчался черезъ него и завидѣлъ влѣво грязную покрытую глубокими колеями проселочную дорогу; я бѣжалъ по ней, спотыкался, нѣсколько разъ чуть не падалъ, зацѣпляясь о корни—мнѣ казалось, что меня все еще кто-то догонитъ, остановитъ, вернетъ, и мнѣ опять придется думать, мучиться, рѣшать и я бѣжалъ еще быстрѣе, изъ-подъ ногъ выпархивали испуганныя птицы, по пнямъ скользили маленькія ящерицы, которыхъ я прежде боялся, но теперь было не до нихъ. По бокамъ лѣсъ сплелся густой темной стѣной, только надъ головой вдаль тянулась голубая небесная дорожка, причеъ небо казалось теперь болѣе синимъ, чѣмъ на открытомъ мѣстѣ. Я бѣжалъ, пропуская безъ вниманія пурпурныя грозди костяники, свѣшивающіяся по краямъ дороги... Прошло около часа, я задыхался, сердце билось до боли, въ глазахъ темнѣло... я сообразилъ, что такъ бѣжать больше не слѣдовало; я пріостановился немного, прижалъ руки



къ груди, стараясь успокоиться, затѣмъ пошелъ тише. Теперь я имѣлъ возможность оглядѣться—вокругъ сѣдые гигантскія ели, опушенные голубоватымъ мохомъ, протягивали свои цѣпкія вѣтви къ дорогѣ, подъ ними были глубокія тѣни, иногда слышалось шуршаніе какого-нибудь маленькаго звѣрка, птицы или моихъ непріятелей-ящерицъ. Въ глубинѣ не было просвѣтовъ, тамъ лѣсъ былъ темень и мраченъ, мѣстами попадались ряды сосенъ, какъ стройныя колонны, поднимавшіяся на страшную высоту, тамъ золотились подъ лучами солнца ихъ красноватые стволы и вѣтви, тамъ покачивались въ темной зелени вѣтвей бѣлки, откуда-то доносился стукъ дятла и крикъ птицы, должно быть иволги. Мнѣ было и жутко, и хорошо; чѣмъ дальше,—лѣсъ казался мнѣ мрачнѣе и величественнѣе... внизу царилъ голубоватый сумракъ и было тихо и торжественно, какъ въ храмѣ...

Я шелъ. Я почувствовалъ маленькую боль въ ногѣ, которую ободралъ во время бѣга о лежащій на землѣ сукъ, но боль была незначительна. Лѣсъ, окружающее отняли все мое вниманіе, я на время забылъ о дѣдушкѣ, о домѣ, я шелъ вдыхая чудный смолистый запахъ, наслаждался красотою природы, которую почти впервые увидѣлъ лицомъ къ лицу: я былъ одинъ среди нея...

Я вспомнилъ только о цѣли моего пути, когда лѣсъ сталъ немного рѣдѣть; вотъ скоро, думалъ я, увижу обгорѣлое дерево—я раньше слышалъ о немъ: это громадная сосна, разбитая ударомъ молніи, со сломанной вершиной, полуобгорѣвшая; у нея остались два громадныхъ сука, похожіе на руки. Я внимательно оглядывался, но горѣлой сосны не было... я шелъ терпѣливо часть, другой, я чувствовалъ легкую усталость, но она была пріятна. Наконецъ, вотъ она, сосна эта, только она не была такъ велика, какъ я ее себѣ представлялъ и сучья вовсе не похожи на руки—значитъ налѣво должна быть тропинка—вотъ и она!.. Часть пути была выполнена, оставалась еще такая же, немного развѣ потруднѣе, потому что тропинка была очень узенькая, змѣйкой извивалась между кустовъ; приходилось продирается между ними, глаза залѣпляла паутина, а сучья больно кололись. Вокругъ стало свѣжѣе, лѣсъ сталъ рѣже и разнообразнѣе, появилась береза, ольха, дрожала красненькая осина... я шелъ очень долго... остановившись отдохнуть, зорко вглядывался вдаль и оглядывался кругомъ—ничто не показывало близости конца лѣса... мнѣ стало немножко жутко—тутъ въ моей памяти впервые связались отрывки изъ разговоровъ, въ разное время слышанные мною: говори-



лось именно объ этой тропинкѣ, она, да! это она! тянется также на нѣсколько верстъ и здѣсь есть ручей, на которомъ есть мостикъ: отъ этого мостика уже будетъ близко до опушки и тропинка выйдетъ на болото. Но ни ручья, ни мостика пока не было. А хуже всего то, что въ лѣсу внезапно потемнѣло, набѣжали черныя грозовыя тучи; я зналъ, что это ненадолго, потому что всюду даль виднѣлась свѣтлая, но все-таки непріятно... Верхушки березъ затрепетали подъ порывомъ налетѣвшаго вѣтра, стало еще темнѣе, крупная капля упала мнѣ на руку, другая, третья... Въ воздухѣ блеснуло, послышался глухой раскатъ грома. Мнѣ стало совсѣмъ скверно, даже страшно... одинъ... Я готовъ былъ заплакать, я побаивался грозы, хотя и зналъ, что она рѣдко бываетъ опасна. И вдругъ мнѣ вспомнилась громадная фигура дѣда, который, вынувъ трубку изо рта, насмѣшливо окинетъ меня взглядомъ и съ презрѣніемъ въ голосѣ броситъ „кисляй“.

Я рѣшилъ остановиться и переждать грозу. Тьма сгустилась, капли дождя крупныя и тяжелыя падали чаще, снова молнія, снова ударъ, на этотъ разъ сильнѣе, еще ударъ, еще... Молнія въ темнотѣ приобрѣла необыкновенную яркость, она ослѣпила меня. Раздался такой грохотъ, что я едва устоялъ на ногахъ. Ударъ былъ отрывистый, рѣзкій, походилъ на трескъ или на разрываемую матерію. Вѣроятно, ударило гдѣ-нибудь по близости; я оглядѣлся, надобно спрятаться: дождь полилъ какъ изъ ведра... Я вспомнилъ, что во время грозы опасно укрываться подъ дерево, но про кусты я ничего не слышалъ, и потому залѣзъ подъ самый низенькій кустъ; вѣтви его были такъ густы, что дождь не принималъ сквозь нихъ. Подъ кустомъ было совершенно темно, но тепло, уютно, пахло сырой землей и какой-то особой душистой травкой. Я сидѣлъ тамъ съ полчаса, какая-то букашка или жучекъ забрался мнѣ за воротникъ и немилосердно царапался. Въ другое время, случись это дома, я надѣлалъ бы порядочно шума: терпѣть не могу букашекъ, особенно тѣхъ, которыя заползаютъ за воротъ... но на этотъ разъ мнѣ было не до того, да не много бы и помогло, сколько бы я ни шумѣлъ; потому я отнесся спокойно къ моему товарищу по несчастью и осторожно высвободилъ его. Скоро опять просвѣтлѣло—дождь пересталъ, туча прошла, мокрая деревья засверкали подъ лучами солнца.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*



## Мыльные пузыри.

Вѣроятно, вы часто занимались выдуваніемъ мыльныхъ пузырей и любовались чудными переливами всѣхъ цвѣтовъ радуги, которыми блещутъ эти изящные шары.

Если вы хотите, чтобы ваши шары были прочнѣе, то сдѣлайте мыльную воду слѣдующимъ образомъ: возьмите хорошаго марсельскаго мыла и настрогайте ножомъ около 4 золотниковъ, переложите эти кусочки въ чистую бутылку и налейте мягкой дождевой или снѣговой воды  $2\frac{1}{2}$  стакана, прибавьте  $\frac{1}{2}$  стакана чистаго глицерину. Черезъ нѣсколько дней почти все мыло растворится въ водѣ. Смѣсь нужно каждый день взбалтывать. Когда растворъ отстоится, прозрачную жидкость слейте, а осадокъ выбросьте. Опытные люди совѣтуютъ еще прибавлять каплю нашатырнаго спирта къ этой смѣси.

Какъ дѣлать трубочку для выдуванія пузыря, вы, вѣроятно, уже знаете сами: можете взять для этого соломинку, или свернуть трубочку изъ бумаги въ родѣ того, какъ крутятъ „цыгарки“ мастеравые. Но лучше всего для этого воспользоваться чистой дешевой курительной трубкой съ длиннымъ чубукомъ.

Вотъ вы выдули пузырь, что вы можете съ нимъ сдѣлать? Быстрымъ движеніемъ вы отрываете трубку внизъ и пузырь плавно подымается на воздухъ; но если вы возьмете его въ руки, или онъ сядетъ на твердый предметъ, то сейчасъ же лопается.

Я хочу вамъ рассказать о нѣкоторыхъ приспособленіяхъ для болѣе удобнаго наблюденія этихъ красивыхъ явленій.

1. Сдѣлайте себѣ держалку изъ мягкой проволоки. Для этого вы можете взять каркасъ, который подшивается подъ шляпы, или проволоку, употребляемую для изготовленія искусственныхъ цвѣтовъ, а лучше всего, купите въ желѣзной лавкѣ 5 аршинъ мягкой *отожженной* желѣзной или мѣдной проволоки. Чтобы легче было гнуть, не берите толстую проволоку, достаточно такой толщины, какой бываютъ обыкновенныя дамскія шпильки; самыя шпильки не пригодны для этой цѣли, такъ какъ онѣ покрыты лакомъ и не смачиваются водой. Отрѣжьте кусочками или отломите кусокъ проволоки въ 6 вершковъ длиной, возьмите небольшую баночку. Средину проволоки оберните разъ вокругъ этой баночки, а концы скрутите вмѣстѣ; ко-



гда вы снимите проволоку съ баночки, у васъ получится правильный кругъ. Держите за концы проволоки эту держалку лѣвой рукой, а правой можете посадить на нее пузырь. Такимъ образомъ, при помощи этой держалки, вы можете переносить этотъ пузырь куда угодно и наблюдать его очень долгое время.

Если вы посадили шаръ на кружокъ и будете воздухъ не вдвухать, а вытягивать изъ шара, то увидите, что шаръ принимаетъ совсѣмъ особую форму. Это будетъ какъ разъ та форма, какую имѣетъ увеличительное стекло. Такую форму называютъ „чечевицей“.

Теперь возьмите вашу держалку, обмакните ее въ мыльную воду и выньте оттуда. У васъ получится, какъ будто, круглое окно, въ которое вставлено круглое тонкое стекло. Эта пленка очень прочная. Вы можете на нее лить струю воды изъ чайника или кувшина. Струя протекаетъ насквозь, а пленка остается цѣлой. Если же вы на нее капните каплю одеколона или спирта, то пленка моментально разрывается. Теперь рѣшите такую задачу: сдѣлать въ этой пленкѣ круглое отверстіе. Конечно, вы подумаете, что для этого нуженъ какой-нибудь очень тонкій инструментъ для сверленія этой тонкой пленки. Вопросъ рѣшается гораздо проще. Возьмите выпавшій человѣческій волосокъ длиной  $1\frac{1}{2}$  вершка и свяжите изъ него петельку, положите ее на пленку. Проткните пленку внутри петельки иглой, тогда пленка внутри петельки прорвется, волосокъ растянется и получится совершенно круглое отверстіе. Конечно, для этого опыта лучше сдѣлать другую держалку, поперечникъ круга у которой былъ бы около 3 вершковъ.

2. Сдѣлайте такую же держалку въ видѣ треножника, какъ изображено на рисункѣ 1-мъ. Для этого отрѣжьте 3 кусочка проволоки по 3 вер. длиной, раздѣлите каждую проволоку на три части. Сложите двѣ проволоки вмѣстѣ и концы ихъ (третья часть = 1 вер.) скрутите вмѣстѣ. Теперь къ одному свободному концу приложите конецъ третьей проволоки и также ихъ скрутите. Оставшіеся два конца также скрутите на разстояніи, равномъ одному вершку. Получится у васъ треугольникъ, составленный средними частями проволокъ. Закруглите сторону этого треугольника, такъ, чтобы изъ него получился правильный кругъ. Это легко сдѣлать, если просунуть въ треугольникъ горлышко толстой бутылки и стараться надѣть треугольникъ на бутылку. Тогда стороны выгибаются наружу и превращаются въ правильный кругъ. Скрученные концы отогните внизъ въ видѣ но-



жекъ (рис. 1). На такой треножникъ вы можете посадить мыльный пузырь и наблюдать его удобнѣе и болѣе продолжительное время.

3. Сдѣлайте теперь держалку по третьему способу. Кусочекъ проволоки оберните вокругъ банки и отрѣжьте настолько, чтобы концы можно было связать ниточкой. У васъ получится правильный

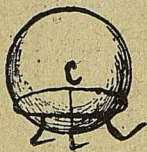


Рис. 1.

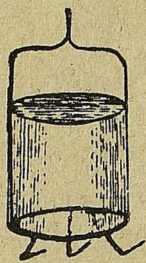


Рис. 2.

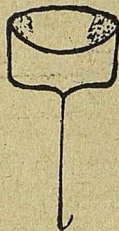


Рис. 3.

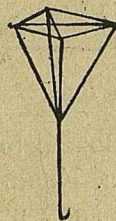


Рис. 4.

кругъ безъ ручки. Затѣмъ отрѣжьте кусокъ проволоки длиной въ 5 вершковъ, перегните ее пополамъ, захватите мѣсто перегиба щипчиками плоскогубцами и каждый конецъ до половины скрутите другъ съ другомъ. Оставшіеся концы разогните въ разныя стороны, перегните пополамъ такъ, чтобы получилось нѣчто вродѣ вилки. Разстояние между концами вилки должно равняться поперечнику круга. Теперь положите кругъ на столъ, поставьте на него вилку и концы вилки прикрѣпите къ кругу. Это можно сдѣлать различными способами: можно проволоки обмотать нитками и привязать концами нитокъ или приклеить сургучемъ, а лучше всего припаять. Теперь въ продажѣ есть новый припой въ видѣ сѣрой кашицы. Концомъ спички эту кашицу можно нанести на то мѣсто, гдѣ нужно запаять и нагрѣть на стеариновой свѣчкѣ. Этотъ припой плавится очень легко и послѣ застыванія соединяетъ очень прочно.

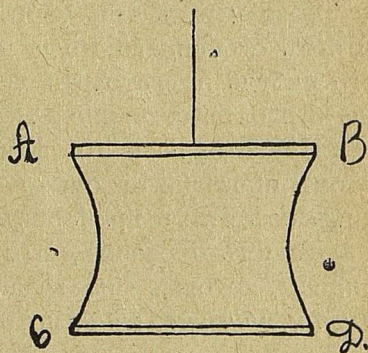


Рис. 5.

Если этой держалкой прикоснуться къ шару, то послѣдній прилипаетъ къ ней и его можно растянуть, какъ показано на рис. 2.



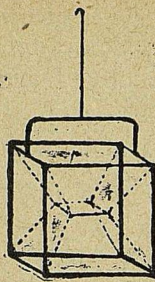


Рис. 6.

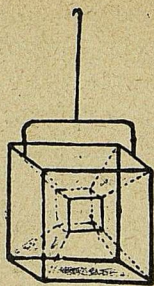


Рис. 7.

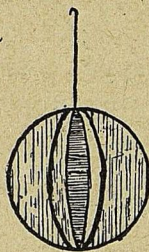


Рис. 8.

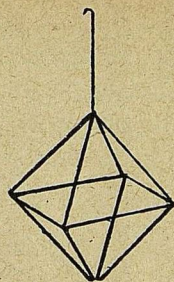


Рис. 9.

4. Возьмите 2 кусочка проволоки по 2 вершка, двѣ нитки по 3 вершка. Концы нитокъ привяжите къ концамъ проволокъ. Къ серединѣ одной проволоки привяжите еще нитку, за которую будете держать и обмакивать въ мыльную воду этотъ приборъ. Пленка будетъ стягивать нитки и получится форма, изображенная на рис. 5.

5. Сдѣлайте изъ проволоки два круга и прикрѣпите ихъ другъ къ другу подъ прямымъ угломъ; получится фигура, изображенная на рис. 8.

Задайте сначала себѣ вопросъ, что получится, если эту фигуру опустить въ мыльную воду, а потомъ провѣрьте ваше рѣшеніе на опытѣ.

Если у васъ есть терпѣніе и нѣкоторая ловкость въ рукахъ, то вы безъ особеннаго труда приготовите изъ проволоки или попросите когонибудь приготовить четырехгранную пирамиду (рис. 4), кубъ—рис. 6 и октаэдръ—рис. 9.

Приготовивши эти фигуры, сначала задавайте себѣ вопросъ, а потомъ провѣряйте опытомъ: какую форму приметъ пленка, если одинъ изъ этихъ приборовъ погрузить въ мыльную воду.

Такимъ образомъ, вы постепенно усвоите, что опыты это—тоже вопросы, которые мы задаемъ природѣ, а отвѣты получаютъ *при помощи приспособлений*, которыя называются приборами.

В. И. Поповъ.





## Воздушные крейсера.

### V. Первый полетъ въ Англіи.

Англичане въ общемъ относились очень недовѣрчиво къ слухамъ о французскихъ воздухоплатателяхъ. Тѣмъ не менѣе вѣсть о томъ, что нѣкій молодой итальянецъ, Винцентъ Луарди, служившій секретаремъ у неаполитанскаго посланника, намѣренъ снарядить шаръ и совершить на немъ путешествіе къ облакамъ, была принята съ большимъ одушевленіемъ.

Интересовавшіеся научной стороною вопроса охотно составили складчину, чтобы покрыть расходы, въ то время, какъ масса любопытныхъ платили за позволеніе взглянуть на изготовляемый шаръ.

Когда шаръ былъ почти оконченъ, его выставили въ зданіи лица, съ хозяиномъ котораго былъ заключенъ договоръ, въ послѣдствіи едва не погубившій все предпріятіе. Хозяинъ этотъ оказался алчнымъ и безсовѣстнымъ человѣкомъ: когда подошло время перенести шаръ на мѣсто, съ котораго долженъ былъ совершиться полетъ, онъ согласился выдать его лишь при условіи уплаты ему огромной суммы. Это было затрудненіе, котораго Луарди никакъ не ожидалъ, къ тому же оно было не единственное. Долго онъ не могъ найти подходящей площади: ему разныя учрежденія то обѣщали свою землю, то, не довѣряя всей его затѣѣ, снова отказывали. Наконецъ, послѣ многочисленныхъ хлопотъ онъ получилъ разрѣшеніе воспользоваться обширнымъ дворомъ артиллерійскихъ казармъ.

Черезъ два дня вся окрестность артиллерійскихъ казармъ была переполнена шумной толпой и Луарди съ безпокойствомъ ожидалъ момента подъема, боясь встрѣтить еще какое-нибудь неожиданное препятствіе. Пока наполняли шаръ, онъ наблюдалъ народное сборище изъ верхняго этажа. Окна, крыши, заборы, ближайшія деревья были густо усеяны людьми, а во дворѣ было ихъ такъ много, что площадь казалась ему вымощенной человѣческими головами. И люди эти были страшно нетерпѣливы и раздражены: они собрались сюда въ полной увѣренности, что ихъ обманутъ!



Однако прибытіе принца Уэльскаго \*) нѣсколько успокоило ихъ и на время отвлекло ихъ мысли, а черезъ часъ съ небольшимъ, послѣ назначеннаго времени, Винцентъ Лунардн привелъ въ исполненіе свое обѣщаніе.

Шаръ былъ наполненъ водородомъ только на три четверти, поэтому сила его была недостаточно велика, чтобы поднять двоихъ и Лунардн пришлось огорчить пріятеля, собравшагося съ нимъ въ дальнее плаваніе, но ждать и откладывать еще онъ опасался. Помѣстившись въ лодкѣ, онъ поднялъ якорь и подалъ сигналъ къ отправкѣ.

Нетерпѣливый ропотъ измѣнчивой толпы превратился въ гулъ восторга и рукоплесканій, какъ только шаръ сталъ медленно подыматься. Самые шумливые и грубые забыли свои непристойныя издѣвательства по адресу Лунардн, забылъ ихъ также и самъ Винцентъ Лунардн: его непріятности были окончены и трудъ вознагражденъ.

Онъ построилъ свой шаръ безъ клапана вверху, взамѣнъ котораго, для спуска, придѣлалъ къ корзинѣ длинныя весла. Поднявшись немного, онъ сталъ работать ими, чтобы та часть публики, которой не удалось видѣть, какъ онъ садился въ корзину, поняла, что онъ находится въ ней. Но едва онъ прикоснулся къ весламъ, какъ одно изъ нихъ оторвалось и вернулось на землю, гдѣ оно въ одно мгновеніе было расщеплено на мельчайшіе кусочки, и всякій, кому посчастливилось завоевать такой кусочекъ, бережно спряталъ его на память, какъ святыню.

Лунардн тѣмъ временемъ наслаждался путешествіемъ и наблюдалъ, какъ огромный городъ, разстилающійся подъ нимъ, постепенно уменьшался и, наконецъ, превратился въ игрушечный городокъ.

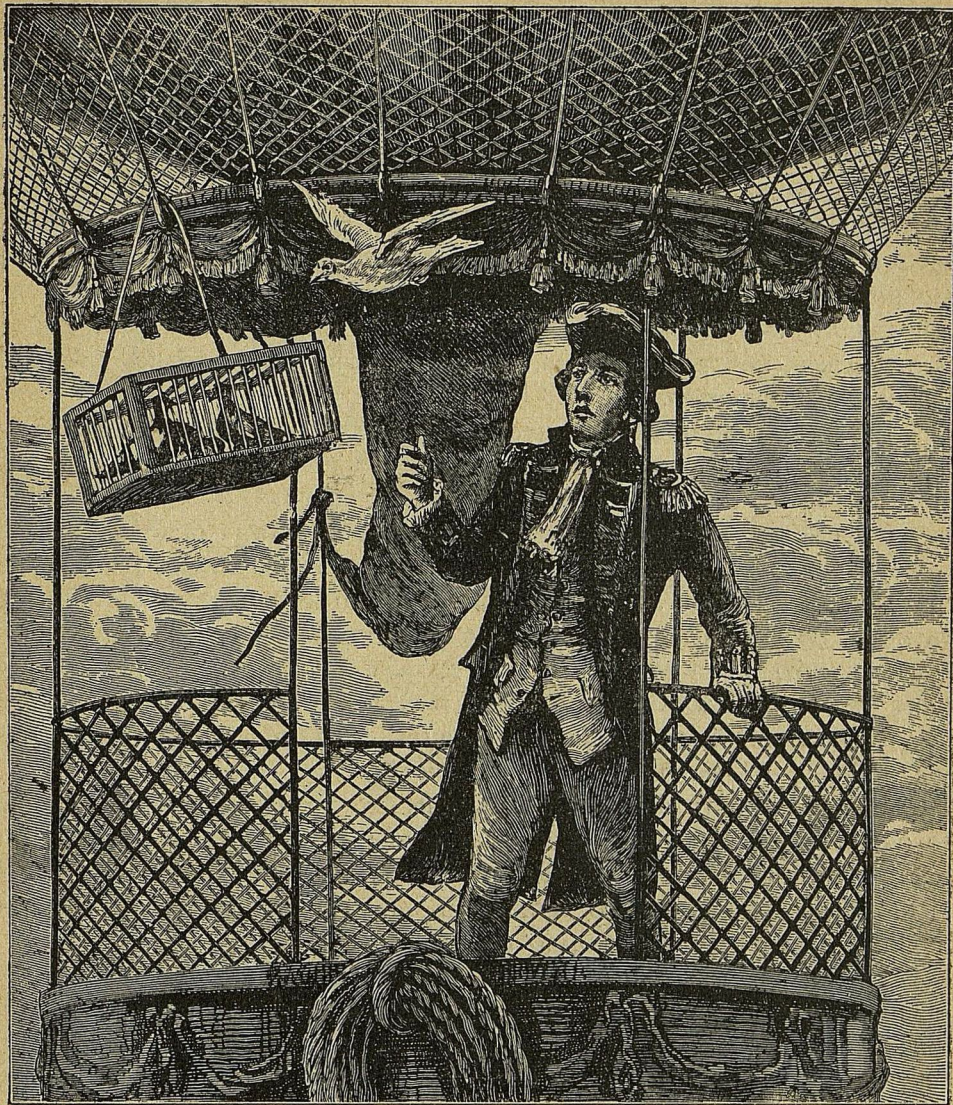
Черезъ нѣкоторое время Лунардн опять принялся за весла и, спустившись, остановился, съ помощью нѣсколькихъ поселянъ, въ полѣ „Этна“. Здѣсь онъ выпустилъ, захваченную изъ Лондона, кошку, сильно страдавшую отъ холода во время переправы въ верхнихъ слояхъ воздуха. Съ другими своими спутниками, собакой и голубями, онъ снова отправился въ плаваніе и, наконецъ, спустился въ мѣстечкѣ „Веръ“. Надпись на большомъ камнѣ, воздвигнутомъ на этомъ мѣстѣ и по-сейчасъ рассказываетъ объ этомъ полетѣ.

Что касается дѣйствія веселъ, то доказано, что Лунардн заблуждался, приписывая только имъ свое опусканіе на землю. Оказывается,

---

\*) Такъ называется наслѣдникъ англійскаго престола.





что ему пришлось, чтобы вторично подняться съ поля „Этны“, выкидывать балластъ; такимъ образомъ вѣрнѣе предположить, что опусканію его способствовала потеря газа.

Лондонъ былъ въ восторгѣ отъ его путешествія. Георгій II, прервавшій важную государственную бесѣду, чтобы взглянуть на



удивительный шаръ, назначилъ впослѣдствіи молодому итальянцу аудіенцію, обласкалъ его и приказалъ отдавать ему воинскія почести. Послѣ этого Лунардѣ совершилъ еще нѣсколько удачныхъ полетовъ.

Но величайшаго триумфа онъ достигъ въ Испаніи, король которой отвелъ ему часть своего замка въ Мадридѣ. Отсюда 8-го января 1793 года, захвативъ съ собою нѣсколько почтовыхъ голубей, Лунардѣ совершилъ большое путешествіе. Въ своей лодкѣ-корзинѣ онъ писалъ краткія бюллетени \*) обо всемъ, что видѣлъ, затѣмъ тщательно свертывалъ письмо, подвязывалъ голубю подъ крылышко и отправлялъ къ губернатору Мадрида. Это была первая, учрежденная въ небесахъ, почта, но письма, тѣмъ не менѣе, доставлялись съ необычайною быстротою.

Однако воздушныя путешествія Лунарди иногда сопровождались и немалыми опасностями. Напримѣръ, полетъ его 24-го августа 1794 г., въ Португаліи. Въ этотъ день былъ очень сильный вѣтеръ. Приближаясь къ землѣ, Лунардѣ выкинулъ якорь, но когда онъ зацѣпился за дерево, веревка порвалась и шаръ мгновенно взлетѣлъ на высоту трехъ верстъ. Тогда Лунардѣ, опасаясь, что его вѣтромъ вынесетъ въ море, потянулъ за веревку, привязанную къ выпускному клапану. Къ несчастію и эта веревка лопнула; газа, однако, настолько убавилось, что шаръ сталъ быстро спускаться. Черезъ четверть часа лодка съ ужасной силой ударилась объ землю; отъ толчка вылетѣлъ изъ нея мѣшокъ съ пескомъ, вѣсившій около пуда. Освобожденный отъ этой тяжести, шаръ опять пошелъ къверху; хотя съ меньшей силой, но очень скоро спустился совсѣмъ низко и, продолжая летѣть очень быстро, сталъ волочить, бросать и бить корзину о землю, такъ что бѣдному воздухоплавателю пришлось очень плохо: онъ не могъ выскочить, да и удержаться было не легко.

Невѣжественные поселяне, испуганные невиданнымъ шаромъ-чудовищемъ, прибѣжали съ ружьями и осыпали злополучнаго аэронавта градомъ пуль. Къ счастью, благодаря быстротѣ движенія, онъ вскорѣ очутился внѣ выстрѣла, тогда, выждавъ подходящий моментъ, онъ выскочилъ изъ лодки въ сопровожденіи кучи вылетѣвшаго за нимъ балласта и научныхъ инструментовъ. Когда онъ всталъ на ноги, то увидѣлъ свой шаръ, на большой высотѣ, направляющимся въ открытое море, а черезъ нѣсколько минутъ онъ потерялъ его изъ виду навсегда.

---

\*) Отчеты.



## VI. „Гигантъ“ и его приключенія.

Цѣлый мѣсяцъ двѣсти швей были заняты приготовленіемъ оболочки „Гиганта“. На нее пошло двадцать тысячъ ярдъ \*) бѣлаго шелка двойной толщины по шести шиллинговъ \*\*) за ярдъ. Въ оконченномъ видѣ она имѣла девяносто ярдъ въ окружности и шестьдесятъ въ высоту. Чтобы наполнить этотъ огромный шаръ, нужно было 6098 куб. ярдъ газа.

Надаръ, которому принадлежалъ этотъ аэростатъ, выставилъ его въ Парижѣ, въ надеждѣ, на собранныя деньги, сдѣлать нѣсколько опытовъ съ летательными машинами.

4-го октября 1864 года „Гигантъ“ былъ готовъ пуститься въ плаваніе по воздушному океану и пятьсотъ тысячъ человѣкъ собралось проводить его.

Подвязанная къ нему лодка имѣла видъ маленькаго домика, сплетеннаго изъ ивовыхъ прутьевъ и поставленнаго на колеса. Въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ было по двери, а по обѣимъ сторонамъ послѣдней—по крошечному окошечку; внутри помѣщался цѣлый маленький міръ чудесъ. Домикъ этотъ имѣлъ всего пятнадцать футовъ въ длину, двѣнадцать въ ширину и восемь въ вышину, но онъ былъ такъ аккуратно перегороженъ тонкими стѣнками, что въ немъ помѣщались: маленькая типографія, крошечная лабораторія для фотографіи, столовая, отдѣленіе съ кроватью для капитана и багажа пассажировъ и другое, на противоположномъ концѣ съ тремя кроватями. Наружныя ивовыя стѣны этого сооруженія были выложены съ внутренней стороны надутой резиной, чтобы предохранить его отъ погруженія въ воду, если вслѣдствіе несчастнаго случая „Гигантъ“ упалъ бы въ море. Такимъ образомъ, глядя по обстоятельствамъ, постройка эта могла служить и лодкою воздушнаго шара, и кораблемъ на морѣ, и повозкой на сушѣ. Узенькая лѣстница вела изъ комнатъ-каютокъ на крышу или палубу.

Когда все было готово, Надаръ перегнулся съ палубы и далъ сигналъ. Тотчасъ же всѣ веревки были освобождены и Гигантъ величественно поплылъ въ небеса. Пятнадцать пассажировъ черезъ пе-

\*) Ярды—англійская мѣра длины = немного меньше нашего аршина.

\*\*) Шиллингъ—англійская монета = приблизительно 30 копейкамъ.



рила махали шляпами и платками въ отвѣтъ на привѣтствія толпы, пока не поднялись выше области зрѣнія и слуха.

Несмотря на то, что подъемъ былъ вполнѣ успѣшный, оказалось, что нѣкоторые изъ рабочихъ отнеслись небрежно къ своей задачѣ, и вскорѣ механикъ Годаръ, опытный аэронавтъ, съ удивленіемъ сталъ замѣчать, что приходится выбрасывать тяжести, чтобы удержать шаръ на высотѣ. Такъ продолжалось нѣсколько часовъ, но когда наступила ночь, стало ясно, что надо спускаться. Они находились на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ. Было около девяти часовъ; путешественники только что окончили ужинъ, когда Годаръ замѣтилъ, что опусканіе совершается слишкомъ быстро и воскликнулъ:

„Держитесь за веревки!“

Пассажиры ухватились за веревки, стараясь ослабить неминуемый, при ударѣ объ землю, толчекъ. „Гигантъ“ спускался съ гораздо большей быстротою, чѣмъ передъ тѣмъ поднимался и выбрасываніе послѣдняго балласта оказало лишь очень незначительную помощь. Ударъ былъ страшный и надо удивляться, какъ воздухоплаватели остались живы.

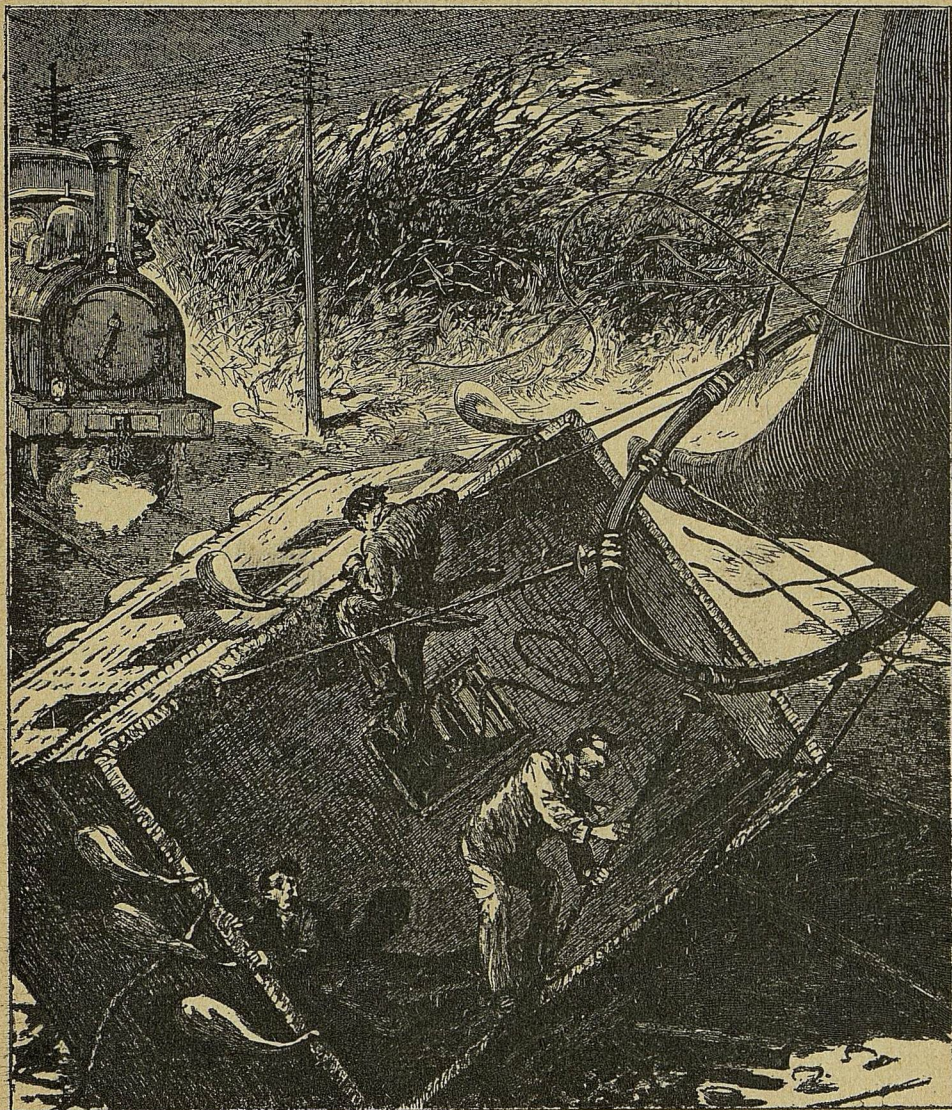
По произведенному разслѣдованію нашли, что самъ „Гигантъ“ былъ безъ изъятія, но клапаны для выпуска газа не были какъ слѣдуетъ закрыты. Такимъ образомъ, съ самаго момента отпращиванія газъ все время вырывался и имъ вообще удалось подняться только благодаря огромному количеству его.

Черезъ двѣ недѣли, Надаръ былъ опять готовъ пуститься въ дальнее плаваніе. На этотъ разъ на „Гигантѣ“ было только девять пассажировъ, которымъ пришлось совершить путешествіе съ большими приключеніями.

Они подняли якорь подъ вечеръ и скоро, съ большой высоты, стали наблюдать чудный закатъ солнца. Но, по мѣрѣ сгущающагося вокругъ нихъ мрака, путешественники стали частенько съ безпокойствомъ поглядывать на гигантскій шаръ надъ ихъ головами: вдругъ опять съ нимъ что-нибудь случится! Они были такъ далеко отъ земли!

На разсвѣтѣ, послѣ ночи, въ которую никто не сомкнулъ глазъ, они увидали, что находятся надъ болотами Голландіи, на огромномъ разстояніи отъ Парижа. Опасаясь, что вѣтеръ вынесетъ ихъ въ море, они рѣшили спуститься. Но не успѣлъ огромный шаръ достигнуть нижняго слоя воздуха, какъ его подхватилъ ураганъ и, словно перышко





закрутилъ, понесъ, со страшной силой ударилъ объ землю и, не давая опомниться ошеломленнымъ путешественникамъ, гналъ его все дальше и дальше, швыряя и играя ивовымъ домикомъ, какъ мячемъ, то кидая его на землю, то подбрасывая на 30—40 футовъ кверху.



При первомъ еще ударѣ веревка отъ выпускного клапана вздернулась и запуталась на недостижимой высотѣ, такъ что выпустить газъ стало невозможно.

Версту за верстой они неслись такимъ образомъ, разрушая все на своемъ пути, ломая деревья, пугая и разметая направо и налево цѣлыя стада скота. Всѣ веревки отъ якорей, бросаемыхъ одинъ за другимъ, рвались какъ нити. Вотъ выбросили якорь—последнюю надежду! Онъ зацѣпился за крышу дома, сорвалъ часть ея, но и этотъ послѣдній канатъ оказался не въ силахъ противостоятъ свирѣпому вѣтру. Бѣшеная скачка, на минутку утратившая частичку своей быстроты, возобновилась съ новой силой. Вдругъ они очутились на рельсахъ желѣзной дороги и въ то же мгновеніе, къ ужасу своему, увидѣли въ нѣсколькихъ саженьяхъ несущійся на всѣхъ парахъ прямо на нихъ поѣздъ. Столкновеніе было неминуемо! Тутъ какъ изъ одной груди вырвался отчаянный крикъ злополучныхъ воздухоплавателей. Машинистъ услышалъ этотъ крикъ и успѣлъ задержать локомотивъ, а въ слѣдующее мгновеніе они уже вихремъ летѣли дальше и дальше, срывая и таща за собою телеграфныя проволоки и опрокидывая столбы.

Но тутъ среди нихъ отыскался герой. Юлію Годару, брату механика, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ удалось, наконецъ, взобраться въ сѣтку шара и высвободить веревку выпускного клапана, который немедленно и открыли, но раньше, чѣмъ весь газъ вышелъ, пассажиры частью выпрыгнули, частью были вышиблены изъ корзины. Всѣ они сильно пострадали: всѣ были побиты и помяты, но, къ счастью, всѣ остались живы.

Стяжавъ себѣ такимъ образомъ громкую славу, „Гигантъ“ совершилъ короткое морское путешествіе на настоящемъ кораблѣ: переправился въ Англію, гдѣ, наполненный обыкновеннымъ воздухомъ, былъ выставленъ въ Лондонѣ подъ стекляннымъ куполомъ дворца.

Послѣ этого онъ совершилъ еще только одно или два путешествія къ облакамъ и окончилъ свой вѣкъ, какъ балонъ-каптивъ \*) въ садахъ Креморна.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

---

\*) Воздушный шаръ, пускаемый на длинномъ канатѣ



## ИГРЫ:

### Городокъ.

Для этой игры надобно имѣть шесть рюхъ и двѣ палки. На землѣ чертятъ кругъ около аршина въ поперечникѣ. По самой срединѣ круга ставятъ одну рюху, вокругъ нея четыре и на среднюю ставятъ шестую. Въ извѣстномъ отъ круга разстояніи проводятъ черту, съ которой поочередно бьютъ палками, каждый по два раза.

Выбившій изъ круга одну верхнюю рюху присчитываетъ себѣ пять очковъ, за верхнюю вмѣстѣ съ другими три, а за всѣ остальные рюхи по одному очку. Когда первый изъ играющихъ пробилъ обѣими палками, сосчитываютъ, сколько онъ сдѣлалъ очковъ, причемъ за каждую поваленную, но не выбитую изъ круга, рюху высчитывается у него по одному очку. Затѣмъ бьетъ второй и т. д. Выигрываетъ тотъ, кто сдѣлалъ 25 очковъ.

(И. Гердъ. Сборникъ Игръ).

### Сторожка.

На землѣ чертятъ четырехугольникъ шаговъ въ 5 шириною и десять длиною. По срединѣ одной изъ короткихъ сторонъ этого четырехугольника укладываютъ пять рюхъ. По жребію выбираютъ кого-нибудь въ сторожа построеннаго города. Сторожъ имѣетъ жгутъ. Каждый изъ играющихъ имѣетъ палку и поочередно становится на противоположной городу сторонѣ четырехугольника, откуда бросаетъ своею палкою въ городъ.

Чтобы имѣть право бить въ другой разъ, играющій обязанъ достать свою палку. Если сторожъ поворотливъ и внимателенъ, то это сдѣлать не легко, такъ какъ, поспѣшно построивъ городъ, сторожъ старается ударить бѣгущаго за палкою жгутомъ. Получившій же ударъ жгутомъ самъ послѣ того становится сторожемъ. Поэтому бросившій палку остается на чертѣ, съ которой билъ, и наблюдаетъ за сторожемъ; замѣтивъ, что сторожъ зазѣвался или что городъ сильно разбросанъ, оббѣгаетъ кругомъ четырехугольника и ставитъ ногу на свою палку.



Черезъ четырехугольникъ перебѣгать нельзя, а непременно надобно огибать его; даже тогда, когда палка не долетѣла до городка и остановилась внутри четырехугольника, необходимо бѣжать за палкою огибая четырехугольникъ и затѣмъ уже чрезъ городскую черту войти въ него и добѣжать до палки. Если кто изъ играющихъ побѣжалъ за палкою чрезъ четырехугольникъ, то онъ становится орожаемъ.

Иногда, добѣжавъ до палки, играющій не успѣваетъ воротиться на мѣсто; тогда онъ можетъ становиться у своей палки, поставивъ на нее ногу, и выжидать удобнаго для возвращенія случая. Если уже всѣ били своими палками, а выручить ихъ не успѣли, то всѣ сразу бѣгутъ, причемъ сторожъ всегда успѣетъ кого-нибудь ударить жгутомъ. Не должно забывать, что сторожъ не имѣетъ права бить жгутомъ до тѣхъ поръ, пока не привелъ города въ порядокъ.

(И. Гердъ. Сборникъ Игръ).

## Медвѣдь реветъ.

Для этой игры каждый изъ играющихъ беретъ по палкѣ, а обрубокъ длиною въ полъ-аршина и шириною въ полтора вершка, представляетъ медвѣдя. На этомъ обрубкѣ съ одной стороны дѣлають двѣ зарубки крестообразно.

На землѣ чертятъ небольшой кружокъ, который будетъ изображать берлогу медвѣдя, а полукругомъ отъ этой берлоги роютъ небольшія ямки такъ, чтобы каждая была отъ берлоги шагахъ въ двадцати. Ямокъ роютъ столько, сколько играющихъ безъ одного.

Всѣ играющіе становятся въ рядъ и, поставивъ свои палки на носки правыхъ ногъ и слегка придерживая рукою, бросаютъ палки ногою. Кто бросилъ свою палку ближе всѣхъ, тотъ становится облавщикомъ.

Облавщикъ ставитъ медвѣдя въ берлогу, а стрѣлки каждый занимаетъ по ямкѣ. Первый стрѣлокъ бьетъ въ медвѣдя своею палкою, затѣмъ второй, третій и т. д. Если медвѣдь упалъ, то облавщикъ его поднимаетъ, а если онъ откатился, то облавщикъ ставитъ его тамъ, гдѣ медвѣдь лежитъ. Когда всѣ стрѣлки били въ медвѣдя, они бѣгутъ за своими палками, а облавщикъ, поставивъ медвѣдя въ берлогу, спѣшитъ занять одну изъ ямокъ.



Если сбитый медвѣдь упалъ зарубками кверху, то облавщикъ, не поднимая его, кричитъ: „медвѣдь реветъ“; всѣ бившіе бѣгутъ за своими палками, а облавщикъ спѣшитъ занять ямочку. Тотъ, кто вернувшись не успѣлъ занять ямочки, дѣлается облавщикомъ и ставитъ медвѣдя на мѣсто. Если за палками побѣжали только нѣсколько человѣкъ, то оставшіеся на мѣстахъ могутъ перемѣнять свои мѣста; тогда возвращающіеся съ палками, не находя свободныхъ ямочекъ, бросаются изъ стороны въ сторону, что помогаетъ облавщику занять одну изъ ямочекъ.

(И. Гердъ. Сборникъ Игръ).

## Б а б к и.

Игра—коренная русская, хотя пользуется у насъ какимъ-то презрѣніемъ, но не менѣе полезная для развитія мѣткости, чѣмъ многія, которыя у насъ въ ходу.

На бабкѣ различаются спинка, брюшко, правый и лѣвый бокъ, одинъ бокъ всегда бываетъ закругленнѣе и уже другого. Если нѣсколько бабокъ положить на брюшко, то можно замѣтить, что у однихъ широкій бокъ находится на правой сторонѣ, а у другихъ—на лѣвой; въ первомъ случаѣ бабка называется *правичкомъ*, а во второмъ—*лѣвичкомъ*.

Бабка, лежащая на широкомъ боку, называется *плоцкой*, лежащая на брюшкѣ—*жехомъ*, лежащая на спинѣ и на узкомъ боку—*ничкой*. Бабки ставятся въ рядъ попарно—*гнѣздами* на недалекомъ разстояніи одно отъ другого. Бабки, поставленныя такимъ образомъ, составляютъ *конъ*.

Каждый изъ играющихъ выбираетъ себѣ биты; играютъ большею частью двумя битами. Для того, чтобы больше сшибать бабокъ съ кона, биты наливаютъ иногда свинцомъ, но игра *свинчатками* незаконна. За каждую битую на конъ ставится по гнѣзду. На нѣкоторомъ разстояніи отъ кона проводится черта, называемая *загонкой*; разстояніе ея отъ кона опредѣляется играющими съ общаго согласія. Когда бабки поставлены на конъ, играющіе, становясь спиной къ кону, катятъ, или бросаютъ (кто какъ хочетъ) биты за загонку; или, какъ называется, *гонятся*.

Первыми бьютъ тѣ, у которыхъ легли плоцки, съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ легли. Начинаетъ тотъ, у кого плоцка легла всѣхъ дальше



отъ загонки, а за нимъ остальные въ порядкѣ расположенія бить. Если биты легли на одинаковомъ разстояніи, то тогда, чтобы рѣшить кому первому бить, играющіе, когорымъ принадлежать эти биты, *жехуются*, т.-е. катятъ свои биты, и у кого ляжетъ жехъ, тотъ бьетъ первымъ. На мѣсто сшибленныхъ гнѣздъ переставляютъ крайнія гнѣзда. За плоцками слѣдуютъ жехи: съ нихъ бьютъ въ такомъ же порядкѣ, какъ и съ плоцкѣ. Послѣ жеховъ бьютъ съ ничекъ; нички собираются еще прежде, чѣмъ начинаютъ бить съ плоцекъ, и кладутся у загонки въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ находились за загонкой. Съ ничекъ бьютъ лѣвой рукой и только съ послѣдней нички можно бить правой, если на кону стоитъ одно гнѣздо. Играющій, которому принадлежитъ послѣдняя ничка, можетъ просить *приставка*; если кто-нибудь согласенъ на его просьбу, то онъ ставитъ на конъ гнѣздо; ничка бьетъ правой и всѣ несбитыя бабки остаются въ пользу давшего приставъ. Когда всѣ игроки пробьютъ и на кону остается много бабокъ, то идутъ *за тѣми*, т.-е. не ставятъ снова бабокъ. Если же гнѣздъ остается немного, то можно итти *по бабкамъ* или *по ровнымъ*. Когда идутъ *по бабкамъ*, то за каждую битую прибавляютъ по одной бабкѣ; когда кто-нибудь желаетъ прибавить себѣ еще одну битую, то онъ за нее ставитъ не бабку, а цѣлое гнѣздо; это называется *наварить*. Когда идутъ *по бабкамъ* и у всѣхъ играющихъ вмѣстѣ нечетное число битъ, то одна бабка приставляется къ какому-нибудь гнѣзду и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ *троицу*, или ставится на одну изъ бабокъ какого-нибудь гнѣзда и называется *попомъ*. Когда на кону остается мало бабокъ и идутъ *по ровнымъ*, тогда за каждую битую ставится гнѣздо.

(И. Гердъ. Сборн. игръ).

## П р я т к и.

Одинъ изъ играющихъ выходитъ изъ комнаты, между тѣмъ другіе прячутся по разнымъ мѣстамъ. Когда всѣ спрятались, кричатъ „готово“, и ушедшій начинаетъ разыскивать всѣхъ спрятанныхъ. Когда это ему удастся, искать идетъ тотъ, котораго первымъ нашли.

(И. Гердъ. Сборникъ Игръ).







СОЧИНЕНІЯ

НАШИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

## Фея сумерекъ.

Стихотвореніе въ прозѣ.

Быстро угасаетъ короткій зимній день; послѣдніе лучи солнца окрашиваютъ въ розовый цвѣтъ крыши домовъ. О фея сумерекъ, явись ко мнѣ! Но фея не является; она не любитъ стариковъ, она летитъ къ молодымъ. И невольно вспомнишь, какъ сидишь, бывало, передъ каминомъ и смотришь въ огонь: уже стемнѣло, только пламя, изрѣдка вспыхивая, освѣщаетъ красноватыми отблесками небольшое пространство; и кажется, что не уголья, а замки, города, сады и даже животныя и люди лежатъ и двигаются, какъ живые. Тогда то является ко мнѣ фея сумерекъ; ея ласковые глаза проникаютъ мнѣ въ душу, длинное одѣяніе сѣраго цвѣта, переливаясь всѣми цвѣтами радуги, покрываетъ ее всю, бабочкины крылья шелестятъ за спиной. Она склоняется надо мной и шепчетъ мнѣ на ухо чудныя сказки, сказки о небываломъ, неземномъ счастьѣ; быстро смѣняются одна за другой чудныя, пестрыя картины! Но вотъ, увь, входитъ горничная съ зажженной лампой; грезы исчезаютъ. Прощай, милая фея сумерекъ!

Р. Шоръ.





## Ну-ка разгадайте.

(Задачи для этого номера доставлены читателемъ журнала М. Шоръ).

### Ш а р а д а.

Безъ моего начала жить никто не будетъ;  
Конецъ же, кто захочетъ въ азбукѣ добудетъ.  
Все вмѣстѣ изъ себя часть лодки представляетъ;  
На ней бываетъ то, что лодкой управляетъ.

### Ариѳметическая задача.

Когда у одного человѣка спросили, сколько у него братьевъ, онъ отвѣтилъ, что вдвое больше, чѣмъ сестеръ. А когда спросили о томъ же его сестру, то она сказала, что братьевъ у нея въ три раза больше, чѣмъ сестеръ. Сколько было братьевъ и сестеръ?

### Задачи буквъ.

1) Даны слѣдующія буквы: *а, а, в, з, з, к, л, о, о*, изъ которыхъ требуется составить 3 слова, которые будучи написаны одно надъ другимъ, читались бы, какъ слѣва направо, такъ и сверху внизъ.

2) Даны буквы: *а, д, д, о, о, о, у, х, х*, изъ которыхъ требуется составить 3 слова и т. д.

3) Даны буквы: *а, а, в, в, в, е, е, л, л*, изъ которыхъ требуется составить 3 слова и т. д.



Редакторъ-издатель *Н. И. Фиделли*.



## Продолжается Подписка

на **НОВЫЙ** популярно-образовательный и литературно-художественный иллюстрированный  
журналъ для **ДѢТЕЙ** 9—12-лѣтняго возраста,

# „ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающееся сознаніе молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ внѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гигиенѣ, зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографіи ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзываться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ безъ всякихъ приложеній.

### ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 3 рубля съ пересылкой, допускается разсрочка по 1 рублю при подпискѣ, 1-го марта и 1-го іюня.

Контора Редакціи: Москва, Мясницкая, 35. Тел. 94-02.

Секретарь Редакціи принимаетъ по понедѣл. и средамъ отъ 1 до 3 ч. дня.

*Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.*



